

Имя в литературе

Сердце, отданное Железнодольску

Николай Воронов создал яркий, убедительный, запоминающийся образ Магнитки

Николай
Воронов

Николай Павлович Воронов (20.11.1926–19.06.2014) – прозаик, поэт и драматург, публицист, автор более трёх десятков книг. Член Союза писателей России, академик Академии литературы, главный редактор журнала «Вестник Российской литературы».

Родился на станции Золотая сопка близ Троицка. В 1931 году с матерью переехал в Магнитогорск. В 1942-м после окончания школы-семилетки поступил в ремесленное училище № 1, в 1944-м назначен электроточильником на доменной подстанции ММК и поступил в девятый класс школы рабочей молодёжи, в 1946-м – в Магнитогорский государственный педагогический институт. В 1948-м, после двух курсов оставив учёбу в МГПИ, уехал в Москву в литературный институт имени А. М. Горького. В 1952 году вернулся в Магнитогорск, где на тот момент был единственным профессиональным писателем.

В 1954–1959 годах Николай Воронов руководил городским литературным объединением. В 1956-м вступил в Союз писателей СССР. В

1963–1969-м был ответственным секретарём Калужской областной писательской организации и внёс весомый вклад в развитие литературной жизни региона.

В 1968 году в журнале «Новый мир» опубликована первая часть самого известного романа Воронова – «Юность в Железнодольске» (12+), живой и убедительной автобиографической книги на магнитогорском материале. В 1972-м, закончив роман, Николай Павлович переехал в Москву. В столице был избран в правление Союза писателей РСФСР и секретариат московской организации Союза писателей СССР, возглавлял совет по прозе молодых.

Николай Воронов награждён медалью Академии Российской словесности «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина» (1999), Золотой Есенинской медалью издательства газеты «Литературное Подмосковье» и Союза писателей России (2007), медалью имени Антона Чехова Союза писателей Москвы (2009), дважды – орденом «За вклад в просвещение» (2006, 2007).

Обретя признание на российском и международном уровне, Николай

Павлович сохранил прочную связь с малой родиной. В 2000-е годы был почётным гостем Ручьёвских чтений и участником Всемирного форума поэзии в Магнитогорске, членом редакционного совета книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст», издававшихся под патронажем «Магнитогорского металла».

В 2011 году на XII конференции Ассоциации писателей Урала в Магнитогорске Николай Воронов удостоен Премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка за совокупное художественное творчество и значительный вклад в литературу о рабочем классе Урала.

Скончался в 2014 году в Москве. Похоронен на Перedelкинском кладбище.

В 2021 году издательство «Вече» в серии «Урал-батюшка» переиздало книгу Николая Воронова «Юность в Железнодольске».

В канун 95-летия со дня рождения Николая Воронова «ММ» предлагает вниманию читателей эссе Виктора

Петрухина об этом поистине легендарном романе, написанное в августе этого года. Автор – друг и последователь Николая Павловича, член Союза писателей России, автор и разработчик общественно персонализированного способа производства и присвоения, помощник депутата Государственной Думы России первого созыва.

Виктор
Петрухин

Эссе приводится в значительном сокращении. На сайте «ММ» можно ознакомиться с полным вариантом текста, включающим стихи Виктора Петрухина. И, конечно же, стоит прочесть «Юность в Железнодольске» – книга есть в городских библиотеках.

✍ Елена Лецинская

Эссе

✍ Виктор Петрухин

Как в капле первозданной океанской воды заключено содержимое всей океанской бездны, так в произведениях Николая Павловича Воронова, особенно в его великом романе «Юность в Железнодольске» (12+), заключена жизнь всей встающей на ноги гигантской страны. Сила «Юности в Железнодольске» – в правде о жизни людей, ответственно освещенной разносторонне своими гранями.

Здесь нет крайностей, здесь – правда бытия: громоподобный испепеляющий ад и его красота, миротворящая тишина и душевная солнечность. Именно правда романа привела в негодование номенклатуру КПСС: большое художественное произведение запретили и обругали в ведущих советских газетах.

«Юность в Железнодольске» написана великолепным, полноценным русским языком. Все герои произведения (а здесь – все герои) нарисованы зримо и убедительно. Яркое и выпукло показана многотрудная жизнь сильных и добродушных людей, работающих на огнедышащем огромном металлургическом комбинате.

В 1963–1969 годах Николай Павлович работал ответственным секретарём Калужской областной писательской организации. Он часто устраивал встречи местных поэтов и прозаиков с московскими поэтами и писателями. Я в то время работал в городе Кирове Калужском (бывшая Песочня) и приезжал в Калугу на эти встречи. Тогда я и познакомился с Николаем Павловичем Вороновым – человеком невысокого роста, круглолицым, с внимательным и добрым взглядом карих глаз.

Я был молод, хотел всё знать, писал стихи, сомневался, что в СССР

О судьбах горьких и о людях сильных

Книги Николая Воронова – это правда, озарённая любовью

построено именно то, о чём пишут газеты, вещает телевидение, толкуют съезды и пленумы КПСС.

«Юность в Железнодольске» произвела на меня глубокое впечатление. Это подлинно художественная литература («истина, озарённая поэзией»). Истина потому, что показана действительная, тяжелейшая жизнь обычных в своей необыкновенности и неповторимости людей. Озарённая поэзией потому, что изображена эта жизнь высококрасочно и прекрасно.

Мне импонировала и истина, и поэзия вороновской прозы. Я был в поиске истины. Мои сомнения в том, что люди являются свободными производителями своей жизни, что «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё», что люди – хозяева «заводов, газет, паромов», – эти мои сомнения подтвердила проза Николая Павловича. В мощном потоке пропаганды о построенном социализме я осознавал, что мы все являемся не хозяевами, а работниками.

В нашем доме, в Кирове на Пролетарской, субботними вечерами собирались друзья. Слушали классическую музыку, читали вслух «Юность в Железнодольске», спорили и соглашались с Николаем Павловичем.

Николай Павлович укрепил меня в моём представлении о нашей жизни. Жизнь людей Железнодольска – это истинная жизнь всех людей советской страны. Истина – о советском государстве и о людях (работниках этого государства-синдиката) и истина – о жизни людей в этом государстве. О судьбах горьких и о людях сильных, подначливых и добрых; об истине, озарённой поэзией. А это – весь роман, написанный сочным полновесным русским языком.

Листаю, удивляюсь:

«...За царством семечек – царство балаганов... куда приносят лудить посуду, чинить примусы, заливать калоши, где принимают пушнину и шкуры, сдают старые автомобильные камеры, рога, тряпьё, цветные металлы; тут же производится санок сапог, катка валенок, ремонт ружей, швейных машинок, велосипедов. Работают здесь инвалиды. Кто хром, кто кос, кто кривобок, но всяк – мастер – золотые руки, прибауточник, хитрец, хват. Покуда ходишь по балаганам, чего-чего не приметишь. Самозон в глотки опрокидывают, кулаками занюхивают; болвашки олова выторговывают, узлы овечьей шерсти, бутылки соляной кислоты; подойники сбавривают, чёсанки; перед красивыми казачицами похваляются удалством; гогогут над анекдотами, печалются известию, что опять кто-то оголодал и представился на толкучке, иль на вокзале, иль у себя в землянушке, выкопанной в горе...»

О жизни барака:

«...Я любил вечера у Додоновых, когда взрослые настраивались на воспоминания. Ляжем на свои постели, согреемся. Барак ещё не спит. Там малышей в корытах купают, тут игра в лото, по деревянным бочатам номера выкрикивают. Где-то в середине барака ребятня комнату вверх дном переворачивает: мать с отцом транспортники, ушли дежурить на железную дорогу, детишек домовничать оставили, и они теперь как на лошадях джигитуют. Подростки на кухне отираются.

Визг девчонок. Шлепки. Выкрики: «Дурак, дурачина, съел кирпичино». На том конце гулянка: наварили кислушки, печально поют: «Вы не вейтесь, русые кудри, над моею больной головой».

Полежим, слушаю барак. Ещё много всяких других звуков бродит по нему: стучит швейная ножная машина, рокочет дробокатка, кругля кусочки свинца, поскрипывает пружина зыбки, воркуют голуби, принесённые на ночь из будок. Потом Петро, или Фёкла, или моя мать скажет, что в деревне об эту пору делается, да скажет со вздохом, с отрадой, с мечтой, и потекут воспоминания, обыкновенно счастливые, такие, которых приятно коснуться. Но иногда на кого-нибудь нападёт грустный стих, и тогда всем начнут припоминаться беды, несчастья, печали...»

О жизни завода:

«...Целый день в бараке только и было разговору, что задули новую домну. Это известие передавалось из уст в уста торжественно, обсуждалось многозначительно взрослыми – кормильцами, стариками-домоседами, нянчившими малых детей, и даже нами, ребятней...»

«...Мало-помалу на литейном дворе наливалось озерное озеро. Оно золотело, краснело, багровело...»

«...Огненный воздух пьянил меня, привёл в восторг, но к этому восторгу припуталась такая оторопь, что с замиранием в животе я приговаривал «ух» и прикасался руками ко всему металлическому, невзирая на предупреждения Додонова, что могу обжечься до волдырей. А едва Додонов показал мне, как

в слитке кипит сталь, я так заезозил у него в руках, что он отдёргнул меня от смотрового окна, поставил на пол... Если бы он быстренько не ссадил с крана, я бы, наверное, не запомнил навсегда маленькую, острую, спящую голову того слитка, чуть ниже головы, внутри слитка – полый купол, а под куполом, среди белой прозрачной тверди, – кипящую сталь: скачки струй и роение шариков.

Завод завораживал меня таинственностью, заревами, музыкой (он гремел, как тысячи таких оркестров, в каком кастелянша Кланька играла на трубе), страшной красотой машин, бесперывной работой железа, огня, электричества, пара...»

Читайте потрясающий роман «Юность в Железнодольске» о судьбах горьких и людях сильных: о русских людях.

P. S. В 1970 году мы с Николаем Павловичем встретились в Москве, чтобы идти в редакцию журнала «Новый мир» к Александру Трифоновичу Гвардовскому. Я тогда (по горячим следам) написал материал о «Юности в Железнодольске», где аргументированно не согласился с негодующей критикой романа в ведущих советских газетах. К сожалению, Александра Трифоновича не было, он был болен. Я отдал рукопись Николаю Павловичу, а он подарил мне недавно изданную книгу «Женское счастье» (12+) и на титульном листе подписал: «Виктору Петрухину – глубокому искателю истины, серьёзному критику – дружески».

Произведения Николая Павловича Воронова – это художественные полотна действительной жизни наших соотечественников, правда, озарённая любовью.